

Анатолий Старов

ЧЕРЕП СУДЬБЫ

ПРОЛОГ

Родился и вырос Венедикт Струкачев в семье интеллигентов. Отец его был доктором физико-математических наук. В научной среде человеком известным, вечно занятым, дома появлялся редко. Научная работа, бесконечные конференции, заседания ученого совета, лекции съедали все время. А если и появлялся, то поздним вечером. И тогда его громкий голос гремел по всей квартире, внося сумятицу в обычно размеренную спокойную жизнь квартиры. В редкие минуты общения с сыном он внушал Венедикту, что самое важное в жизни — доводить начатое дело до конца. Эту заповедь своего отца Венедикт запомнил на всю жизнь. И еще он заполнил, что не все измеряется деньгами. В жизни случаются моменты, которые нельзя оценить деньгами.

Отец был высоким, с крепкими мускулами, мужчиной, с крупной головой, покрытой шевелюрой темных кучерявых волос. Его карие глаза всегда горели то ли весельем, то ли недюжинным умом, то ли и тем и другим вместе. Так сразу и не разобрать было.

Мать, в отличие от своего мужа была женщиной невысокой, хрупкой, с тихим голосом. Будучи известным в городе терапевтом, тоже была вечно занятой. А когда ее поставили начальником терапевтического отделения, времени на сына совсем не осталось.

При других обстоятельствах судьба Венедикта сложилась, может быть, совсем иначе. Но судьба распорядилась по-своему. Не находя дома внимания и простого человеческого общения, подрастая, он с каждым годом все больше и больше отдалялся от матери и отца. Жил своей жизнью, не допуская никого в свой внутренний мир.

Как это ни странно, в браке родители были по-своему счастливы. Своеобразно, но счастливы. Каждый жил своей, закрытой для других, жизнью, вращаясь в своей среде. Вот только Венедикту доставалось все меньше и меньше тепла, вытесняя его из семейной жизни супругов.

Чтобы как-то разнообразить свое скучное, монотонное существование, он рано начал курить и выпивать. В девятом классе, выпив коньяка, он потерял невинность, переспав с женщиной, которая по годам вполне могла сойти ему за мать.

В десятом классе он на одном из школьных вечеров вполне осознанно соблазнил молоденькую учительницу по физике, пришедшую в школу в начале учебного года после окончания

педагогического института.

Каким-то образом этот факт стал достоянием всего школьного сообщества. Был крупный скандал. Учительнице пришлось уйти из школы.

Хотели выгнать и Венедикта. Пришлось вмешаться вечно занятому, но известному в городе, отцу и его оставили окончить школу.

Он от природы был учтив, одевался дорого и со вкусом, любил пить хороший коньяк, курил дорогие сигареты, когда позволяли денежные средства. Карманные деньги, которыми, откупаясь, его снабжали вечно занятые родители, у Венедикта были всегда, и он охотно тратил их на хорошую одежду, на покупку вещей, недоступных большинству его одноклассникам.

С детских лет Венедикт был упрямым. Если ему чего-то хотелось, он всегда пытался добиться желаемого, чего бы это ни стоило. С четырнадцати неполных лет Венедикт Струкачев был вовлечен в расследование нескольких убийств, невообразимым образом связанных с мистикой, ведьмами.

Его первое расследование было связано со смертью друга его дедушки, единственного в районе Героя Советского Союза. И подвигла его на проведение первого расследования ведьма, которая явилась к нему во сне и предложила попробовать свои скромные теоретические знания, почерпанные из детективной литературы, которая была давней

страстью юноши, на практике.

Уже в реальности он познакомился девушкой, представившейся Василисой и утверждающей что она местная. Однако уже через несколько часов Венедикт, познакомившись с местными ребятами, узнает от них, что описанная им девушка в деревне не проживает. Возникает версия, что девушка — приезжая и не хочет этого раскрывать по каким-то причинам и необъяснимое ее появление обусловлено чем-то, выходящим за рамки реальности.

При второй встрече молодых людей Василиса так же предлагает ему провести расследование убийства старого человека, обещая оказать, при необходимости, помощь. Уже обладая информацией о необычности девушки и начиная подозревать, кем на самом деле она является, Венедикт, воспользовавшись ее необычными способностями, становится обладателем важной информации о расследуемом деле, на которой и построены гипотеза о причинах преступления и основное доказательство причастности к убийству подозреваемого человека.

Вторым в своей жизни расследованием убийства Венедикт вынужден был заняться, когда его любимого учителя биологии Воронежского обвинили в смерти молодой женщины Валентины Осиповны Першиной. Все обвинение милиции

против него было построено на том, что женщина была отравлена ядом бледной поганки. И это притом, что всему городу была известна страсть Воронежского к растительным ядам. Станислав Викторович, зная увлечение своего ученика детективами, и его небольшой опыт в расследовании убийства, попросил помощи у Венедикта. Юноша не только доказал невиновность своего учителя, но и раскрыл имя настоящего преступника.

Как и в первом расследовании, в этом тоже присутствует ведьма. Как выясняется, ведьма достаточно активно помогает юноше проводить расследование, имея на него далеко идущие планы.

Уже окончив второй курс юридического института, Венедикт по приглашению старшего лейтенанта Ерохина, принимает участие в расследовании таинственного исчезновения из закрытой ванной комнаты девятнадцатилетней Ольги Степановны Верновой. Проведя расследование, Венедикт выясняет, что девушка при помощи зеркала была отправлена в другое измерение, в параллельный мир.

Молодая красивая Ольга, воспитанная одной матерью, вела скромный образ жизни, активно занималась музыкой, училась в институте. Знакомство с Андреем Во перевернуло всю ее жизнь. Она безумно влюбилась в молодого

человека. И, как это часто бывает, вскоре выясняется, что она беременна. Девушка рассказывает об этом радостном событии своему возлюбленному. Молодой человек, вопреки ее ожиданиям, от этой новости запаниковал, считая, что ранний брак, появление малыша перечеркнет его карьерный рост. Чтобы разрешить эту проблему, Андрей обратился к своей матери, ведьме, которая долгие годы опекала Венедикта. С ее помощью он при помощи зеркала отправляет девушку в параллельный мир.

Венедикту удалось раскрыть это преступление и Андрея Во привлекают к ответственности.

Когда стало известно, кто является виновником исчезновения Ольги, к Венедикту является ведьма и требует от него закрыть уголовное дело. Венедикт решительно отказывается идти на сделку и тогда ведьма начинает мстить ему. Узнав, что юноша впервые в жизни серьезно влюбился, она коварно убивает девушку.

Охваченный жаждой мести, Венедикт при помощи своей знакомой выходит на ее бывшую школьную подругу, известную в городе старую ведьму, которая подсказывает ему, как можно противостоять ведьме и дает ему магический амулет, при помощи которого Венедикт уничтожает ведьму, тем самым отомстив ей за смерть своей любимой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Проснулся Венедикт от стука в его комнату.

— «Ну, кто там еще? В такую-то рань», — вяло пронеслось в его еще спящем мозгу. — «Не хочу вставать, имею право на сон, сегодня воскресенье», — завозмущался весь его организм.

Он тот же час заснул, но настойчивый стук в дверь вернул его из забытья. Чертыхнувшись, он неохотно встал с постели и побрел к дверям. Распахнув дверь, он очень удивился, увидев отца.

— Пап, а ты чего дома?

— Я сегодня уезжаю в командировку, у меня самолет через четыре часа. А тебя, Веня, просят подойти к телефону.

— Какой телефон в такую рань? Ведь сегодня у меня выходной.

— Очень настойчиво просили тебя подойти.

Венедикт недовольно скривился.

— «Сегодня у меня выходной, не дают поспать», — никак не мог успокоиться он.

Шаркая домашними тапочками, он, прихрамывая, подошел к столу, на котором стоял телефонный аппарат со снятой трубкой.

— Алло, — недовольно буркнул в трубку он.

— Венедикт, — донесся до него знакомый голос, — ты все спишь?

Сон моментально улетучился, едва он услышал этот голос. Если Ерохин звонит, да еще в такую рань, значит, есть для этого веские основания. По пустякам он не стал бы его беспокоить. В последний раз его телефонный звонок обернулся интересным делом об исчезновении девушки в Крюкове.

— Так еще только восемь часов, Анатолий Дмитриевич. И заметьте, сегодня воскресенье. Имею полное право поваляться в постели подольше.

— Воскресенье... — Венедикт явно уловил в голосе собеседника нотки тоски. — Счастливый ты, Венедикт, наверное, всю ночь с девушками кувыркался, а теперь отдыхаешь. А мне приходится работать и после работы, и в выходные, и в отпуске. Впрочем, чего это я разнылся? Давай ближе к делу. Ты, Венедикт, не можешь подойти ко мне в отдел? У меня к тебе разговор есть, — голос Ерохина приобрел знакомую твердость.

Венедикт почувствовал, как приятно защемило в сердце. Если уж приглашают в отдел милиции, быть новому делу.

— Не всю ночь кувыркался, а только половину, Анатолий Дмитриевич, — отшутился Венедикт. — У меня есть время, чтобы привести себя в относительный порядок?

— Нет у тебя этого времени. Его и так уж

прошло немало. Надевай штаны и топай ко мне. Я, в отличие от девушки, приму тебя в любом виде. Можешь явиться небритым, взлохмаченным, в помятой одежде. В отличие от девушек мне нужны твои мозги и ничего более.

— Хорошо, — заулыбался Венедикт, — если вам нужны только мои мозги, я сейчас буду.

— Жду, пропуск тебе я уже заказал.

Венедикт быстро оделся, проходя мимо зеркала в прихожей, пригладил взлохмаченные после сна волосы и, на ходу закурив сигарету, выскочил из квартиры. На улице шел крупными хлопьями снег, словно зима, неохотно уступая место весне, торопилась выполнить свой годовой план по осадкам.

— И когда только весна настоящая наступит? Завтра уже первое марта, а снег валит и валит. И конца этому не видно и края, — ворчал он, неспешно шагая по мокрому снегу, тщательно обходя образовавшиеся уже огромные лужи. Все-таки весна наступала со всех сторон, тесня зиму.

В отделе милиции он подошел к дежурному по отделу, пожилому сержанту милиции. Дежурный взял паспорт, открыл его и неожиданно заулыбался.

— Венедикт Струкачев! А я вас помню. Почти три года назад вы проводили расследование по исчезновению девушки в Крюкове. Когда вы с

Ерохиным у него в кабинете убивали ведьму, мы все здорово волновались, как бы чего не вышло. Не каждый день сталкиваешься с таким необычным делом. Но вы блестяще с ним справились. Нам оставалось только собрать косточки и тряпье, оставшиеся от ведьмы, и сжечь всю эту пакость на заднем дворе отдела. А сейчас вы к нам по какому делу пожаловали, если не секрет, конечно?

— Пока не знаю, по какому. Старший лейтенант Ерохин пригласил меня к себе, сейчас, может, и расскажет.

— Да, видно вы давно не общались с Ерохиным? Он уже капитан давно, и недавно назначен заместителем начальника отдела. Большим человеком стал. Мы все уверены, что у него блестящее будущее.

— Отлично! Будет повод его раскрутить на ресторан, — рассмеялся Венедикт.

— Правильно, заодно и за женитьбу его раскрутите, — поддержал его шутку милиционер.

— Так он еще и женился!? Вот это новость! Застолье обещает быть знатным. Не знаю, выдержу ли я такую нагрузку?

— Ничего, вы человек молодой, здоровый, выдержите, — поддержал шутку дежурный. — Когда же и выдерживать такие застолья, как не в молодые годы. Вы проходите, он сейчас занимает кабинет 26, на втором этаже.

— Спасибо. Пойду, послушаю, что мне Анатолий Дмитриевич расскажет, — Венедикт направился к лестнице, засовывая паспорт в куртку.

На двери кабинета Ерохина висела совсем недавно изготовленная табличка, на которой было написано, что его владелец является заместителем начальника отдела милиции. Постучав в дверь и услышав разрешение, Венедикт распахнул ее и вошел. Навстречу ему, улыбаясь, поднялся с мягкого кожаного кресла слегка погрузневший с их последней встречи Ерохин с новенькими блестящими звездочками на погонах. Капитан обошел свой солидный стол и крепко пожал руку Венедикта.

— Анатолий Дмитриевич, позвольте вас поздравить со званием капитана, новой должностью, — Венедикт, не выдержав серьезного тона, заулыбался, — и с законным бракосочетанием.

— Спасибо за поздравления. Я понял твой тонкий намек. В ресторан мы с тобой сходим, обязательно. Вот только давай сначала поговорим о деле. А ты чего хромаешь, дружище?

— Вчера на занятиях по самбо неудачно приземлился после броска спарринг-партнера.

— Ты все спортом занимаешься? Когда-нибудь ты изуродуешь себя, или тебя изуродуют. Результат будет один и тот же, —

проворчал осуждающе Ерохин. — Садись, Венедикт, — пригласил он гостя. — У меня к тебе есть разговор долгий, серьезный и очень важный, как я тебе и сказал по телефону. Закуривай, — Ерохин пододвинул Венедикту пепельницу. Сам полез в ящик стола, достал сигареты, закурил. Посидели немного, наслаждаясь курением и безмятежно болтая о взглядах на предстоящую весну.

— Ладно, давай перейдем к делам нашим насущным. Сегодня ночью у нас в городе произошло убийство, — Ерохин, вздохнув, затушил окурок в пепельнице. — Оперативная группа, возглавляемая мною, недавно приехала с выезда. Почти всю ночь провозились. Я не выспался, чертовски устал, но времени на отдых совсем нет, — пожаловался Ерохин и взглянул на Венедикта, словно ища сочувствия. Но встретив беспристрастный взгляд своего старого друга, вздохнул тяжело и с ноткой обиды продолжил: — Кремень ты, Венедикт. Нет в тебе ни грамма сочувствия ко мне. Так вот о деле — в своей квартире был найден убитым известный в городе антиквар Ефим Давидович Ройсман, может, слышал о таком? Впрочем, ты далек от антиквариата, поэтому мог и не слышать о нем. В данном случае это не столь и важно. Милицию вызвали соседи, обеспокоенные шумом, доносившимся с квартиры

убитого.

— Произошло убийство, но причем здесь я? Я так полагаю, что в нашем большом городе изредка происходят убийства, и до сих пор почти за три года вы не обращались ко мне за помощью, — заметил Венедикт.

— Ты, Венедикт, не торопи события. Выслушай сначала мое сообщение, — Анатолий Дмитриевич достал из пачки очередную сигарету и закурил. — На первый взгляд это было рядовое преступление. Убийства, к сожалению, не редкость в нашем городе. В этом ты прав. Но это только на первый взгляд. Убийство, конечно, как убийство, но вот причина этого убийства мне кажется экзотической. Вот послушай. Когда мы приехали по вызову, квартира была закрыта на замок. Мы его, естественно, аккуратно вытащили и отправили на экспертизу. Сейчас он находится в лаборатории, но, похоже, что взлому он не подвергался, следовательно, открывали его ключом. Либо родным, либо изготовленным дубликатом. В лаборатории определяют точнее, каким. Когда мы вошли в квартиру, на полу в одной из комнат у стены лежал труп Ройсмана, все вокруг было залито кровью.

— Я так полагаю, его убили ударом ножа в брюшную полость, — высказал предположение Венедикт. — Это одно из самых распространенных

ранений и очень кровавое.

— Ты прав, у него была обширная и глубокая рана на животе. Орудие убийства мы пока не нашли. Похоже, что в его качестве использовался нож или другое холодное оружие. Чего-чего, а этого добра в квартире Ройсмана было предостаточно. Все-таки антиквар как ни как. Все стены увешаны холодным оружием самого разного размера и вида. Преступник то ли унес его с собой, то ли сбросил где-то в ближайшую урну. Но что странное в этом деле и на что я сразу обратил свое внимание — умер Ефим Давидович не сразу и перед кончиной он пальцем на стене кровью успел написать две буквы «су». Что это означает, не представляю?

— Может он пытался написать фамилию убийцы? — невозмутимо высказался Венедикт, нетерпеливо ожидая, когда собеседник дойдет до сути своего рассказа.

— Может быть, может быть... — задумчиво произнес Ерохин, крутя в пальцах очередную, еще не зажженную, сигарету.

— Анатолий Дмитриевич, а почему вы меня пригласили? Вроде пока самое рядовое убийство. Отдел милиции и сам может справиться с этим преступлением, — нарушил возникшую паузу Венедикт.

— Не беги впереди паровоза, я еще не

закончил, — неохотно отвлекаясь от своих размышлений, изрек Ерохин. — Мы провели тщательный обыск квартиры убитого. Соседи и вызванные родственники показали, что из квартиры ничего ценного, заслуживающего особого внимания, не исчезло. А брат у антиквара было что, ты уж мне поверь. За долгие годы деятельности в этом бизнесе у Ефима Давидовича в квартире собралось много чего интересного. Его отдельным коллекциям могли бы позавидовать и некоторые музеи. Да, умеют же жить некоторые. Я обомлел, когда увидел такие богатства. Я не специалист, но даже я понимаю, что в гнездышке, оборудованном Ефимом Давидовичем, было чем поживиться грабителю. — Анатолий Дмитриевич тяжело вздохнул, оценивая, видимо, свое милицейское благосостояние. — К тому же в тумбочке на самом видном месте мы даже обнаружили толстую пачку денег. Достаточно большую сумму, чтобы соблазнить убийцу. Но она оказалась нетронутой. Из всего этого можно сделать предположение, что неизвестному преступнику материальные ценности были ни к чему.

Венедикт со скучающим видом слушал своего товарища, ожидая, когда тот перейдет к самому главному, из-за чего он его потревожил в воскресенье в такую рань. Ерохин, словно не замечая его минорного настроения, монотонно

рассказывал все детали этого рядового преступления.

— А за одной из картин какого-то неизвестного мне художника мы обнаружили встроенный в стену сейф, — понизив голос до полупшепота, наконец, произнес Ерохин. — Сейф оказался запертым.

— А что за сейф там был? — уже заинтересованно спросил Венедикт.

— Да обычный сейф. Из серии бытовых, дешевых...

— Это сообщение очень важное, — нетерпеливо перебил Венедикт своего друга. — Оно свидетельствует о том, что убийство совершил не профессиональный налетчик и убийца.

— Почему ты так думаешь? — искренне удивился Ерохин.

— Если бы это был профессионал, он бы на раз разыскал сейф и вскрыл его, — предположил Венедикт. — Для профессионала вскрыть бытовой сейф не представляет никакой трудности. Исходя из этого вывода, можно предположить, что орудие убийства нужно искать в ближайших урнах. Непрофессионал, случайный убийца, побоится долго носить с собой орудие убийства и попытается от него поскорее избавиться.

— Вынужден с тобой согласиться. Об этом я еще не успел подумать, — как бы оправдываясь,

произнес Ерохин. — Сейчас дам команду своим бойцам порыскать по мусорным контейнерам, — Ерохин взял телефон и, набрав номер, приказал своим подчиненным самым тщательным образом проверить все мусорные контейнеры, все закоулки, обшарить все кустарники.

— Так я продолжаю, — обратился он к Венедикту, укладывая трубку на аппарат. — Мы вызвали специалиста, и он за несколько минут вскрыл его. И вот тут начинается то, из-за чего я тебя и пригласил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Венедикт почувствовал, как нешуточное волнение охватывает его. Он даже дыхание затаил, боясь пропустить какую-нибудь важную информацию. Почувствовав волнение своего друга, Ерохин понимающе заулыбался. Желая немного помучить его, он не спеша взял со стола зажигалку. Прикурил сигарету и, выпустив в потолок кольцо, долго внимательно наблюдал, как оно неспешно поднимается вверх, постепенно теряя четкость своих очертаний.

— Анатолий Дмитриевич, что вы там обнаружили? — не выдержав пытки, почти шепотом поинтересовался Венедикт, чувствуя, как от охватившего волнения похолодели кончики

пальцев рук.

— Когда мы распахнули дверцу сейфа, — Ерохин сделал многозначительную паузу, — в нем мы обнаружили очень странный предмет, — сжалившись над Венедиктом, медленно проговорил Ерохин. — Это был... человеческий череп.

— Человеческий череп? — искренне изумился Венедикт.

— Да, мой юный друг. Это был человеческий череп, но не настоящий, а изготовленный из какого-то неизвестного мне прозрачного материала, похожего на стекло. Я могу предполагать, что он сделан из хрусталя. Уж очень он сверкает, словно хрустальная люстра у моей тещи.

— Анатолий Дмитриевич, ваше счастье, что вы милиционер и старше меня. Я сейчас вас поколотил бы за измышательства надо мной. Вы что, не могли опустить все те подробности, которыми вы кормили меня целых пятнадцать минут, и сразу перейти к главному?

— Только без рук, — заулыбался Ерохин. — Я тебе почти все рассказал, теперь мне осталось показать его тебе.

— Он что, у вас? — вскричал Венедикт, в волнении вскакивая со стула.

— Совершенно верно, он у меня. Лежит в служебном сейфе. Я тебе сейчас его покажу, но прежде хочу сказать. — Ерохин, став серьезным,

задумался. — Понимаешь, Венедикт, мне кажется, что убийство каким-то образом связано с этим загадочным черепом. После сделанных тобой выводов о непрофессионализме неизвестного нам пока убийцы, я прихожу к выводу, что преступление совершил некто, кто интересуется этим черепом. Что-то наподобие антиквара или ученого-фаната от археологии. Более того, мне кажется, что этот череп каким-то образом связан с мистикой. Уж больно он какой-то необычный. Весь прозрачный, очень тщательно сделан. Во всяком случае, невооруженным глазом совершенно не видно следов обработки. От него так и веет загадочностью. У нас в отделе нет специалистов по всем этим оккультным штучкам. А потому с разрешения начальника отдела я решил обратиться к тебе. За время нашего знакомства я пришел к двум выводам — к тебе, как к магниту, липнет всякая мистика, и ты в этой области чувствуешь себя, как рыба в воде.

— Мне, действительно, нравятся дела, где присутствует мистика. Но я к этому не стремлюсь, пока так выходит. Но я, надеюсь, и другие дела могу расследовать, — приняв последнюю фразу друга как сомнение в его способности расследовать и обычные преступления, — возмутился Венедикт.

— Я и не сомневаюсь, — примирительным тоном произнес Ерохин. — Ты способный детектив,

Венедикт. Это я тебе как специалист говорил и говорю. Поэтому мы тебя и приглашаем принять участие в расследовании этого необычного преступления.

— Анатолий Дмитриевич, но я учусь на четвертом курсе, если вы еще не забыли. У меня занятия теоретические и практические, — юноша намеренно сделал акцент на последнем слове. — Меня не отпустят с учебы. У нас знаете, какой требовательный и принципиальный ректор!?

— Да знаю я его, знаю. Когда я учился в институте, он уже тогда был ректором. Но ты не забывай, что я профессионал и я все эти нюансы предусмотрел, — добродушным голосом изрек Ерохин и довольный похлопал ладонью по столу. — Приехав с места преступления, я написал письмо ректору института и отправил его нарочным. Специально милиционера для этого выделил. — Ерохин сделал паузу, чтобы Венедикт в полной мере оценил его заботу о нем. — Официальное, с подписью и печатями, все, как полагается. Я не думаю, что он нам откажет. В конце концов, мы общими усилиями куем кадры для наших правоохранительных органов. Завтра, в понедельник, получим официальный ответ. Все оформим в виде практики в нашем отделе. Зато летом, вместо практики — погуляешь.

— Вот уж погуляю, если к этому времени еще

что-нибудь мистическое не случится, — Венедикт негромко рассмеялся. — Давайте уж доставайте, посмотрим на вашу находку, — от охватившего нетерпения голос Венедикта даже слегка завибрировал.

Ерохин выдержал подобающую возникшему положению паузу и, поднявшись с кресла, повернулся. Открыл сейф, стоящий слева от него, осторожно вытащил картонную коробку, тщательно упакованную скотчем. Судя по предпринятым им усилиям, коробка была достаточно тяжелой. Он аккуратно поставил ее на стол, порывшись, достал из кармана перочинный нож и начал неспешно распаковывать коробку.

Венедикт с нетерпением смотрел на неторопливые действия своего друга, почувствовав, как его охватывает ни с чем несравнимое чувство азарта. Он даже слегка улыбнулся, сравнив себя с легавой, которая почувствовала дичь и замерла в напряженной стойке в ожидании команды хозяина наброситься на обнаруженную дичь. Открыв коробку, Анатолий Дмитриевич с укоризной взглянул на Венедикта.

— Придержи коробку хотя бы, если не хочешь помочь иным способом.

Венедикт вскочил с кресла и прижал донышко коробки к столу. Ерохин, запустив руки внутрь, осторожно извлек из нее череп и поставил его на

стол.

— Тяжелая штукавина, — заметил слегка запыхавшийся Ерохин. — Пожалуй, килограммов тринадцать-четырнадцать весит.

Венедикт с нескрываемым интересом смотрел на человеческий череп, сделанный в натуральную величину из какого-то прозрачного с едва заметными замутнениями материала. Замутнения были заметны в верхней части черепа. А внизу материал был практически идеально прозрачным. Череп покоился на специальной подставке, изготовленной из неизвестного ему черного камня.

— Анатолий Дмитриевич, я тоже склонен считать, что сделан он из хрусталя. Если бы не это легкое помутнение в верхней части, я бы сказал, что он просто идеальной прозрачности. И посмотрите, как он сверкает в свете, падающем из окна.

— И я тебе об этом же говорю, — Анатолий Дмитриевич невольно залюбовался игрой света на великолепно отполированной поверхности черепа.

Венедикт дотронулся до челюсти и от неожиданности отдернул руку, когда она с легким шелестом плавно опустилась вниз. Оказалось, что эта деталь была подвешена к черепу на идеально гладких шарнирах, прекрасно отцентрирована и приходила в движение при малейшем прикосновении.

— Я его еще не отдавал в лабораторию, —

Анатолий Дмитриевич легким движением вернул челюсть на место. — Хотел, чтобы ты посмотрел на него до того, как я отправлю его. У нас в лаборатории классные специалисты, имеющие... — Ерохин на мгновение замешкался, вспоминая мудреное название прибора, — ...растровый электронный микроскоп, который можно использовать для анализа следов обработки черепа, вот! Надеюсь, там смогут определить, как изготовлен этот череп, когда и, может быть, определят, для каких целей его использовали. Но сам знаешь, работы у нас много, поэтому назад мы его получим не скоро. А время не ждет. Пока они в лаборатории будут мудрить над черепом, ты, глядишь, и нароешь что-нибудь интересное по нашему делу.

Венедикт и Анатолий Дмитриевич с изумлением посмотрели на череп, когда услышали тихие звуки высокого тона, явно исходящие со стороны удивительного артефакта. Одновременно они увидели, что верхняя часть его стала менять степень прозрачности, словно заполняясь белоснежным туманом, и над ним внезапно возник светящийся нимб. Он был диаметром, не выходящим за пределы черепа, и висел в сантиметрах восьми над темечком, испуская яркий слепящий свет.

Неожиданно Анатолий Дмитриевич, стоящий

у черепа, грузно рухнул в кресло, покачнулся со стороны в сторону, закатил глаза, грудью уперся в край стола, и его голова, обессилено, упала на столешницу.

Встревоженный Венедикт, отбросив стоящий перед ним стул, кинулся к нему. Нащупав на шее сонную артерию, замер, пытаясь уловить пульс. Пульс явно прощупывался. Схватив стоящий на сейфе графин, он плеснул на руку воды и смочил голову друга. Однако никакой реакции не последовало.

Венедикт обеспокоенно оглянулся, раздумывая, как позвать на помощь людей. Неожиданно звук, исходящий со стороны черепа, пропал, а через несколько мгновений исчез и нимб. Он стал снова кристально прозрачным, с легким помутнением сверху. Венедикт почувствовал, как под его рукой зашевелилась голова Ерохина. Анатолий Дмитриевич поднял голову и с недоумением посмотрел на Венедикта.

— Что это со мной приключилось? Я что, сознание потерял? — удивленно произнес он.

— Есть немножко, — успокоенный за жизнь и здоровье друга, Венедикт сел на стул и закурил, с неудовольствием видя, как подрагивают его пальцы.

— Я же говорил тебе, что с этим черепом связана какая-то мистика, — пробормотал Ерохин

растерянно, приводя себя в порядок. — Значит, не зря я к этому делу привлек тебя. Ты видел, как череп начал заполняться туманом? А нимб над ним ты заметил?

— Заметил, конечно. Очень интересное явление, — задумчиво сказал Венедикт. — Что же мы с вами только что наблюдали?

— Черт его знает, что мы наблюдали! Почему в момент этого загадочного явления я потерял сознание? А ты как себя чувствуешь!? — расчесывая у зеркала мокрые волосы, поинтересовался Ерохин.

— Не могу ответить на ваш первый вопрос. Сам ничего не понимаю. А по второму вопросу — я себя прекрасно чувствую. И даже более того, моя травмированная на тренировке нога, кажется, совсем перестала болеть, — Венедикт с удивлением посмотрел на совершенно здоровую ногу, которая еще совсем недавно довольно ощутимо побаливала.

Он машинально положил руку на прохладную поверхность верхней части черепа и неожиданно почувствовал отчетливые ощущения тепла, и легкую вибрацию, как будто внутри черепа был скрыт некий мощный источник неизвестной энергии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Венедикт удивленно смотрел на череп.

— Интересное явление, очень интересное, — бормотал он, испытывая необычную эйфорию от прикосновения к артефакту.

Он развернул череп к себе и, заглянув в глазницы, в испуге отпрянул.

— Венедикт, ты чего там увидел такое ужасное, на тебе лица нет? — Ерохин удивленно посмотрел на Венедикта.

— А вы сами посмотрите туда, — предложил Венедикт, разворачивая к Ерохину череп.

Анатолий Дмитриевич, наклонившись, взглянул в глазницы. Несколько секунд он внимательно всматривался, потом вопросительно повернулся к Венедикту.

— И что? Лично я ничего не вижу. Обычные глазницы, вырезанные в каком-то материале. Вижу, что они очень хорошо сделаны и тщательно отполированы. Надеюсь, какой это материал, наши специалисты определяют, — забубнил Ерохин, выпрямляясь.

Теперь настала очередь удивиться Венедикту. Он повернул череп к себе и с опаской заглянул в углубления. Теперь он отнесся к представшей картине значительно спокойнее, так как уже ожидал увидеть нечто необычное. В глазницах он увидел множество черепов, аккуратно расставленных на какой-то черной площадке, висящей в

пространстве. Внимательно присмотревшись, он заметил, что все черепа имели какие-то особенные детали, которые отличали их от других. Он обратил внимание, что черная площадка висит в пространстве немного под наклоном к невольному зрителю и черепа на ней расположены явно не хаотично.

Венедикт, не отрывая взгляда от глазниц, нащупал и схватил со стола рабочий блокнот хозяина кабинета, ручку и начал лихорадочно перерисовывать их расположение, аккуратно отмечая особенности каждого черепа. Зачем он это делает, он еще не знал, но он торопился зафиксировать эту картину, боясь, что она вскоре может исчезнуть. И тогда он может навсегда потерять, быть может, очень важную информацию, которая поможет ему в дальнейшем расследовании.

Через несколько минут картина, действительно, начала бледнеть и вскоре совсем исчезла, и все пространство черепа заполнилось мраком. Из неведомых глубин к нему потянулись чьи-то костлявые пальцы, растущие, казалось, неоткуда, освещаемые рассеянным светом, попадающим в череп через глазницы. Они дотянулись до границы черепа и заскользили по гладкой поверхности неизвестного минерала своими страшными длинными ногтями. Затем и они исчезли и на смену им появились искаженные

муками нечеловеческих страданий лица неизвестных людей.

Они хаотично приближались к Венедикту из бездны, постоянно меняя свои черты и что-то громко крича. Их глаза неотрывно смотрели на Венедикта независимо от положения лица, вопреки всем законам анатомии и физики.

Юноша почувствовал, как по его телу пробежала дрожь, а по позвоночнику пронесся холодок. Усилием воли он заставил себя досмотреть этот ужас до какого-нибудь конца. Он сосредоточился и попытался разобраться, что они ему кричали, но слышал только неясный громкий крик. Вот только слов было не разобрать.

Только и эта картинка вскоре начала меркнуть. И лица полетели назад, быстро удаляясь в загадочной дали. Теперь юноша видел только молочно-белое безграничное пространство, в котором глазу не за что было зацепиться. Венедикт откинулся на спинку стула и, ладонью вытерев со лба неожиданно выступивший пот, теперь уже совершенно спокойно смотрел на череп.

Ерохин, не вмешиваясь в происходящее событие, лишь удивленно наблюдал за действиями своего друга.

— Венедикт, ты можешь мне рассказать, что ты видел? — любопытствовал он, когда Венедикт отодвинул от себя череп, вырвал из блокнота лист

и, аккуратно его сложив, положил в карман джинсов.

— Анатолий Дмитриевич, вы, что и не слышали ничего?

— А что я должен был слышать? Ведь никакого звука не было, — искренне удивился Ерохин.

Венедикт задумчиво смотрел на череп.

— «Странная картина вырисовывается, — задумался юноша. — Загадочный череп демонстрирует в своих глазницах картинки одна страшнее другой, но их вижу только я. Человеческие лица кричат мне что-то, но слышу их только я. Ерохин и не видит, и не слышит ничего. Значит, демонстрируемые картинки и тепло, исходящее от черепа и его вибрация доступны не всем. Если вспомнить, что Анна Пантелеймоновна говорила о моем повышенном энергетическом поле, то получается, что все это доступно только экстрасенсам или ведьмам. В том числе и мне. И совершенно недоступны простым людям».

— Венедикт, ты мне расскажешь, что ты видел и слышал? — донесся до него раздосадованный голос хозяина кабинета.

— Анатолий Дмитриевич, я предлагаю сейчас убрать найденный вами артефакт в сейф и пока ни в какую лабораторию не отдавать. Я сейчас сбегая домой за фотоаппаратом и сфотографирую этот

череп. Надо будет обратиться к специалистам. Может, они что-нибудь нам расскажут о нем?

— Зачем обижаешь нас, — неодобрительно покачал головой Ерохин. — У нас что, в милиции, фотоаппарата нет что ли? Сейчас приглашу специалиста, и через полчаса у нас будет изображение этого черепа в самых экзотических ракурсах, какие только пожелаешь.

— Прекрасно! Давайте, вызывайте вашего специалиста.

Ерохин позвонил и через несколько минут в кабинете появился молодой парень с фотоаппаратом. Сфотографировав под руководством Венедикта череп с различных сторон, парень удалился, выслушав напутствие сделать, по меньшей мере, четыре экземпляра фотографий.

— Венедикт, так ты расскажешь мне, что ты там увидел? — поинтересовался Ерохин, когда дверь за фотографом закрылась.

— Анатолий Дмитриевич, я могу рассказать, но для вас будет лучше, если вы об этом ничего знать не будете. Это не имеет никакого отношения к расследованию убийства, а покой у вас может отобрать. А вам, будущему молодому папе, поверьте это вовсе ни к чему.

— Черт с тобой! Не хочешь, не говори, — обиженно промолвил Ерохин. — Заботливый какой! Минут через двадцать принесут фотографии

и уматывайся из моего кабинета, чтобы глаза мои тебя не видели. А в восемнадцать часов чтобы был у меня в кабинете. Пойдем с тобой в ресторан.

Ерохин поднялся с кресла и стал упаковывать череп в коробку. Венедикт с улыбкой смотрел на своего обиженного друга.

— Анатолий Дмитриевич, а когда у вас ожидается пополнение в семействе?

Хмурое лицо Ерохина разгладилось, и на нем засветилась счастливая улыбка.

— Ну, ты и зараза. Знаешь, чем отвлечь старика от грустных мыслей. Отыскал мое слабое место. — Ерохин что-то напряженно подсчитывал в уме. Это было ясно по его слегка покрасневшему от усилий лицу и возникшим глубоким морщинам на лбу. — Стало быть, по плану Светка должна родить в июле, — радостно сообщил он, закончив подсчеты.

— Понятно. Значит, жену вашу зовут Светланой, и в июле старик станет молодым счастливым папой.

— А я тебе не говорил, что ли, как ее зовут?

— Да какой там! Я только вошел, как вы набросились на меня со своими дурацкими убийствами, черепами человеческими, ужасами всякими, не к ночи будет помянуто о них.

— Да...

Закончить ему не дал настойчивый стук в

дверь.

— Войдите, — благодушно разрешил Ерохин.

Дверь открылась, и в кабинет вошел фотограф, неся в руках пачку готовых фотографий.

— Фотографии ваши готовы, Анатолий Дмитриевич, — парень протянул пачку фотографий Ерохину. — Как и приказали, сделал в четырех экземплярах.

— Молодец, Максим! Быстро справился. Спасибо. Иди, занимайся своими делами.

— Анатолий Дмитриевич, тогда я пошел искать специалиста, который сможет нам объяснить, что это за черепа и чем они так желанны некоторым людям, а вы, когда результаты обследования черепа будут готовы, сообщите мне, пожалуйста, — Венедикт поднялся со стула и отобрал один экземпляр фотографий.

— Венедикт, я позвоню тебе завтра утром, сообщу о решении твоего руководства, а ты занимайся по своему плану. Только чаще мне докладывай, не пропадай бесследно. И не забудь о сегодняшнем вечере.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Венедикт вышел из отдела милиции на весеннюю улицу в прекрасном настроении, слегка взволнованный предстоящим интересным

расследованием. Единственно, что сейчас его беспокоило, это практически полное отсутствие знаний по той проблеме, в которой ему предстояло вращаться до конца расследования. А выход здесь, пожалуй, один. Необходимо было найти специалиста, который восполнил бы этот пробел в знаниях. А специалиста проще всего искать среди ученых, занимающихся археологией. С этого, пожалуй, и стоит начать.

Венедикт не спеша шел к археологическому институту, наслаждаясь робким теплом весеннего солнца. Проходя мимо старушки, торгующей маленькими букетиками подснежников, Венедикт приобрел один из них. Он стоял несколько мгновений, вдыхая в себя нежный аромат первоцветов. Взглянув на яркое солнце, прищурился, с удовольствием подставляя ее лучам соскучившееся за долгие зимние месяцы по солнцу, лицо. Очень не хотелось заходить в прохладное, темное нутро института. Если бы не дела, так и стоял бы на теплом солнышке.

Войдя в институт, он подошел к важной охраннице с окаменевшим от усердия лицом, сидящей за стеклянной перегородкой, преисполненной ответственностью за доверенный пост. Венедикт лучезарно заулыбался хмурой охраннице, а встретив ее холодный взгляд, заулыбался еще приветливей и протянул ей букетик

цветов.

— Это что? — суровым голосом пробормотала растерявшаяся женщина.

— Это вам первые весенние цветы, и улыбнитесь. Ведь за окном наступает настоящая весна.

— Ну, вот еще, цветы... — женщина еще пыталась сохранить на лице маску холодности, но в ее глазах против ее воли заплясали чертики радости, а поджатые губы сами собой раскрылись в улыбке. — Спасибо за цветы. — Она поднесла букетик к носу и шумно втянула их аромат.

— Действительно, весна! — черты ее лица совсем разгладились, и перед Венедиктом предстала доброжелательная женщина средних лет, слегка потрепанная нелегкой жизнью.

— И что ты хочешь взамен? — прижимая букетик к груди, доброжелательно поинтересовалась она. — Ведь наверняка явился сюда не просто так.

— Меня зовут Венедиктом, а вас? — зашел издалека юноша.

— Меня — Ларисой Ивановной, — покосившись на букетик, ответила женщина.

— Лариса Ивановна, мне действительно нужна от вас помощь. Я в такое затруднительное положение попал, что просто не знаю к кому и обратиться.

— Что случилось? — поинтересовалась женщина.

— Мне как-то нужно разыскать специалиста по разным археологическим раскопкам. Нужно получить консультацию по одному найденному предмету.

— Вот оно что! Так сразу и не скажешь, — задумалась женщина. — Нужно подумать над твоей проблемой.

Лариса Ивановна задумчиво смотрела на букет цветов, машинально вертя его пальцами, и все ее лицо излучало крайнюю степень задумчивости. Венедикт с интересом наблюдал за ее муками. После томительных минут молчания, женщина вдруг оптимистично взглянула на юношу.

— Венедикт, я, кажется, знаю, кто тебе может помочь. У нас работает один профессор. Старенький уже. Так он всю жизнь занимается этими самыми артефактами. И что немаловажно, он очень доброжелательный, обходительный, вежливый. Всегда поздоровается, спросит о самочувствии. Знаешь, у нас ученых-то много. Но многие из них такие зазнайки. Иной проходит, так даже не взглянет на тебя, словно ты мебель какая бездушная, — в голосе Ларисы Ивановны явно засквозила обида. — Да возьми для примера его сына. У такого хорошего отца и такой сын... Проходит мимо тебя словно принц заморский.

Тьфу!.. — в сердцах сплонула женщина. — Сейчас я тебе телефончик профессора черкну. — Она зашуршала страницами толстого журнала, нашла нужного человека, записала на листе бумаги.

— Вот его фамилия и телефон. Звони, вон телефон на стене висит, — она протянула Венедикту листок.

На листе было написано: профессор Алексей Игоревич Бустанов и его рабочий телефон.

Венедикт поблагодарил охранницу и, набрав телефон, долго стоял, слушая бездушные длинные гудки.

— Алло, — услышал он, наконец, в трубке не лишенный красоты бархатный голос собеседника.

Представившись, Венедикт попросил о недолгой встрече. В трубке надолго замолчали. Было только слышно тяжелое дыхание собеседника. До Венедикта донесся глубокий шумный вдох и потом неохотное «Заходите».

Получив согласие, подошел к охраннице и, протянув паспорт, попросил выписать пропуск. Зажав в кулаке пластмассовый квадратик пропуска, Венедикт поднялся на третий этаж и отправился разыскивать нужный кабинет. Остановившись у кабинета, тщательно привел в порядок свою прическу и, постучавшись, потянул на себя дверь.

Навстречу ему, поднявшись с кресла, шел невысокий, плотного телосложения мужчина с

гривой седых волос.

— Алексей Игоревич Бустанов, — представился он бархатным баритоном, протягивая для приветствия руку.

— Венедикт Струкачев, — представился и юноша, отвечая на крепкое рукопожатие.

— Чем могу вам помочь, молодой человек, — спросил профессор, жестом приглашая Венедикта в кресло напротив себя.

— Алексей Игоревич, я набрался наглости побеспокоить вас вот по какому поводу. — Венедикт опустил в огромное кожаное кресло, которое с готовностью приняла его в свои объятия. — Милиция сейчас проводит расследование убийства одного антиквара. В его домашнем сейфе при обыске был обнаружен человеческий череп, сделанный из какого-то пока неизвестного минерала. Не могли бы вы проконсультировать в моем лице органы правопорядка, что это такое?

— Человеческий череп? — профессор, до этого уютно сидящий в огромном кресле, встрепенулся, вылез из его объятий и пододвинулся ближе к столу. — И где же этот череп?

— Он в милиции. Сейчас специалисты пытаются выяснить, из какого материала он сделан, кем и когда.

Профессор недовольно поморщился.

— Ну, хотя бы фотографии у вас есть? — с надеждой спросил он.

— Конечно, профессор. При первой же возможности я сделал их. — Венедикт полез во внутренний карман куртки и, достав оттуда пачку фотографий, протянул их профессору.

Алексей Игоревич, приподнявшись, взял фотографии, включил настольную лампу. То, вооружившись большой лупой с массивной металлической ручкой, то близоруко щурясь, он вглядывался в изображения черепа.

— Интересно, молодой человек, очень интересно, — бормотал он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Венедикт долго, молча, сидел, ожидая, когда профессор закончит изучение фотографий. Прошло минут пятнадцать томительного ожидания, когда профессор, наконец, оторвался от своего занятия и посмотрел на юношу, внимательно его рассматривая.

— Что вы можете сказать по этому черепу? — нетерпеливо спросил Венедикт.

— Молодой человек, череп, фотографию которого вы мне показали, называется, если я не ошибаюсь, Череп Судьбы, если это, конечно, не подделка. Я могу, конечно, и ошибиться. По

фотографии сложно делать однозначные выводы. Нам еще повезло, что на фотографию попала пачка сигарет и можно хотя бы приблизительно судить о его размерах. Если бы вы показали мне сам артефакт, я определил бы однозначно. Хотя, честно говоря, я никогда не видел этот череп в реальности. Знаком с ним только по фотографиям и манускриптам. И надо сказать, что фотографии эти были значительно более плохого качества, чем те, что принесли вы. Дело в том, что они делались очень давно, фотоаппаратами значительно менее совершенными, чем сейчас. За черепами идет настоящая охота, поэтому их владельцы держат в строжайшем секрете сам факт владения ими. Последним владельцем этого черепа, насколько я помню, был американский антиквар и меценат Джоан Джексон. А теперь, как вы изволите убедиться, он появился в России. Очень примечательный факт! Да-с!

— Алексей Игоревич, а почему такая секретность? Ну, имеешь какой-то там череп и что из этого? — любопытствовал Венедикт.

— Чтобы осознать это, необходимо, как говорит современная молодежь, быть в теме. Я сейчас немного введу вас в курс дела. Прочитаю, так сказать, небольшую познавательную лекцию. — Профессор вскочил с кресла и, не выпуская фотографий из рук, зашагал по кабинету. —

Согласно существующей легенде в мире существует тринадцать черепов, изготовленных из очень прочного минерала под названием горный хрусталь. Надеюсь, вы слышали о нем?

Венедикт согласно закивал головой.

— Прекрасно, молодой человек, прекрасно. Кем они изготовлены и когда, это науке неизвестно. Теорий об их происхождении имеется великое множество. Некоторые считают их ручными работами ацтеков или майя, другие настаивают на том, что они были сделаны загадочным народом, проживающим на затонувшей Атлантиде. Те немногие экземпляры черепов, что на короткое время попадали в руки ученых, были ими тщательно исследованы с применением самых передовых методов. И ни один из этих черепов не раскрыл тайны своего происхождения. У некоторых ученых бытует мнение, что они вообще изготовлены не на Земле. Я хоть и сомневаюсь в этом, но, чем черт не шутит. Мы так мало еще знаем о нашей матушке Земле. Может быть, когда-нибудь они раскроют человечеству свои тайны, но пока... Загадок с этими черепами значительно больше, чем ответов на них. Решение всех этих загадок, это удел ученых. А вас, насколько я понял, больше интересует другой вопрос — почему все так стремятся стать обладателями этих черепов?